

Е.М. Бухвальд**ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Россия

Намечаемое в соответствии с действующим законодательством обновление принятой в 2015 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации должно обеспечить актуализацию и конкретизацию представлений о вызовах и угрозах безопасности страны. Это, в частности, касается уточнения в каждом случае тех рисков, которые реально способны негативно воздействовать на ее социально-экономическое развитие. Одновременно предстоит радикально обновить представления об институционально-инструментальном аппарате обеспечения требований безопасности, предупреждения или нивелирования тех рисков, с которыми уже сейчас сталкивается или может столкнуться Российская Федерация в обозримой перспективе. В статье рассматривается система тех институтов стратегического планирования и государственного регулирования, которые должны составить собой механизм реализации требований Стратегии безопасности в разрезе ее социально-экономических компонентов. Акцент делается на так называемые «институты развития», призванные обеспечить достижение социально-экономических приоритетов страны, в том числе, в соответствии с условиями ее безопасного устойчивого развития.

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегическое планирование, Стратегия национальной безопасности, законодательное обеспечение.

Введение

В российской научной литературе сформировался большой блок исследований, посвященных проблематике национальной, в частности, экономической безопасности Российской Федерации и ее обеспечению в системе государственного и муниципального управления. При этом неизменно констатировалось недостаточное внимание действующих стратегий безопасности [1,2] к институциональному обеспечению политики национальной и экономической безопасности и, главное, существенное отставание этого институционального обеспечения от тех принципиальных новаций в сфере государственного и муниципального управления, которые связаны с переходом к системе стратегического планирования [3-6]. Именно этим, видимо, следует объяснить невнимание разработок по национальной безопасности к возможной роли такого инструмента практики стратегического планирования, как разнообразные институты развития.

Стратегия безопасности: цели без механизма их достижения

Нынешний вариант Стратегии национальной безопасности (далее – СНБ) принимался тогда, когда уже действовал ФЗ №172 о стратегическом планировании [7]. В связи с этим, справедливо было бы ожидать достаточно полного соответствия СНБ тем требованиям, которые законодательство предъявляет к документам стратегического планирования в целом. Речь идет о ст.8 ФЗ №172 (Принципы стратегического планирования) и ст.9 (Задачи стратегического планирования). В них говорится о такой задаче, как выбор путей и способов достижения целей и решения задач социально-экономической политики... и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В свою очередь, закрепленные законом принципы стратегического планирования предполагают, что должна быть обеспечена возможность оценки достижения целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации с использованием количественных и (или) качественных целевых показателей, критериев и методов их оценки, используемых в процессе стратегического планирования. Также утверждается, что показатели, содержащиеся в документах стратегического планирования, должны соответствовать целям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Простой анализ текста действующей СНБ показывает, что названным выше ключевым принципам и задачам стратегического планирования она в полной мере не соответствует. ФЗ №172 указывает, что документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации – это документы стратегического планирования, определяющие стратегические приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующие состояние национальной безопасности Российской Федерации. Из этого определения не вполне ясно, как «меры» могут характеризовать собой «состояние». Однако из приведенного определения все же следует, что документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации должны содержать не только приоритеты и цели в сфере безопасности, но и меры по их достижению.

Однако на деле никаких конкретных «мер» (путей, способов и пр.) по достижению приоритетов и целей безопасного развития общества и государства (в социально-экономическом разрезе) документ не содержит. Имеющийся (п.115) перечень показателей для оценки состояния национальной безопасности (около 10 позиций), по сути, лишен аналитической составляющей и даже элементарной количественной размерности. По составу этот перечень не может рассматриваться даже как «бледная тень» того многообразия социально-экономических слагаемых национальной безопасности,

которые представлены в данной Стратегии. Но главное – отсутствие в документе такого обязательного для любой стратегии компонента, как указание на институционально-инструментальный механизм ее реализации.

В связи с этим, принципиально важно добиться в новой редакции СНБ конкретизации ее институционально-инструментального аппарата, причем строго в соответствии с теми реалиями, которые сложились на этапе перехода к практике стратегического планирования. Это связано с тем, что действующая редакция этого документа, вопреки всем требованиям к стратегиям как документам государственного управления, по сути, оперирует лишь объектом регулирующего воздействия, но не указывает конкретно на те экономико-правовые механизмы, которые должны использоваться для достижения закрепляемых в документе целей регулирования.

Не дает исчерпывающего ответа на данный вопрос и обращение к ФЗ №390 «О безопасности» [8], в котором только в общем виде говорится о «содержании деятельности» и «государственной политике» по обеспечению национальной безопасности. Единственное положение данного закона, которое позволяет как-то судить о механизмах реализации требований безопасности (ч. 2 ст.19), касается того, что Правительство РФ «формирует федеральные целевые программы в области обеспечения безопасности и обеспечивает их реализацию».

Это несколько расходится с положениями ФЗ №172 (ст. 3), где говорится, что государственная программа Российской Федерации – документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий ... обеспечивающих ... достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Как мы видим, здесь ничего не говорится об особой системе государственных программ, обеспечивающих именно приоритеты национальной безопасности Российской Федерации. В связи с этим, как мы полагаем, названное выше положение ФЗ №390 о механизмах практической реализации требований национальной безопасности в системе государственного и муниципального управления в настоящее время нуждается в серьезной корректировке. Это связано с четырьмя моментами.

Во-первых, остается неясным, о каких именно программах идет речь. Федеральные целевые программы в настоящее время функционируют только как составная часть государственных программ Российской Федерации. К настоящему времени Правительством РФ утверждены 44 государственные программы, из которых фактически реализуется 41 программа. Через государственные программы осуществляется 70 % расходов федерального бюджета, что делает их основным инструментом достижения государственных приоритетов, включая и таковые, относящиеся к сфере национальной, в том числе, и экономической безопасности страны.

Все государственные программы в настоящее время сгруппированы в пять блоков, один из которых – «Обеспечение национальной безопасности». Здесь сосредоточены программы, целевым образом отвечающие задачам обеспечения национальной безопасности страны; они принимались в разные годы со сроком действия на период до 2024-2030 гг. Это программы «Обеспечение обороноспособности страны»; «Обеспечение государственной безопасности»; «Обеспечение защиты личности, общества и государства»; «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»; «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»; «Управление государственным материальным резервом»; «Обеспечение химической и биологической безопасности Российской Федерации»; «Мобилизационная подготовка Российской Федерации».

Данные программы вполне определенно соответствуют предметному содержанию СНБ в части вызова и угроз безопасности страны и определения путей их устранения. Однако это «покрытие» имеет лишь частичный характер, поскольку за его пределами остаются те вызовы и угрозы, которые лежат в сфере социально-экономических процессов. Собственно, это относится и к такому документу, как Стратегия экономической безопасности Российской Федерации [9,10], прямо не упоминаемая ни в названном выше ФЗ №390 «О безопасности», ни в ФЗ №172 «О стратегическом планировании...».

Во-вторых, в настоящее время хорошо заметен курс на расширение той системы институций и регулятивных инструментов, которая выполняет названную выше функцию посредника между ключевыми целями социально-экономического развития Российской Федерации и их достижением на местах. Ключевая роль по-прежнему остается за государственными программами. Однако уже действуют национальные проекты и определяющие их направленность «национальные цели развития». Быстро растет блок территориально-локализованных институтов развития, выполняющих параллельно функции отраслевого и пространственного развития (ОЭЗ, ТОСЭР, Свободные порты, Особые административные территории). Однако между этими инструментами стратегического планирования нет четко выраженного «разделения труда»: их особые функции или задачи не разграничены и часто характеризуются взаимным наложением. Это характерно и для финансово-бюджетного механизма этих инструментов: соответствующие виды бюджетных расходов (в том числе, на функционирование институтов развития) то планируются и осуществляются раздельно, то как бы «смешиваются» и пр.

Очень близко к проблематике обеспечения национальной безопасности примыкают некоторые новации, введенные Стратегией пространственного развития Российской Федерации [11]. Например, это касается такой

институции как «геостратегические территории», хотя четкой гипотезы оперирования ею как инструментом государственной политики регионального развития пока так и не предложено.

В-третьих, неясен механизм согласования стратегий безопасности с иными документами стратегического планирования. В ФЗ №390 и в самих стратегиях, хотя и недостаточно четко, сформулирована идея обязательственной силы документов по безопасности для подготовки прочих документов стратегического планирования и для всей практики государственного и муниципального управления в целом. Однако, дело здесь не только и не столько в отсутствии описания элементарных согласительных процедур. В действующем виде стратегии безопасности просто «не готовы» действовать как основа целеполагания для иных документов стратегического планирования, а также для определения целевых ориентиров деятельности многообразных институтов развития. Об этом говорит не только скудость и слабая аналитическая проработка показателей безопасности и отсутствие четких количественных («пороговых») значений. Немаловажное значение имеет отсутствие в рассматриваемых документах временной этапности приближения фактических показателей безопасности к целевым значениям, что могло бы позволить согласовать приоритеты этих стратегии с целевыми индикаторами всей системы документов и институтов стратегического планирования.

Наконец, в-четвертых, существенным институциональным изъяном стратегий безопасности выступает их несоответствие федеративной природе российского государства, где все задачи государственного управления (включая и вопросы обеспечения безопасности) решаются на основе разграничения полномочий и взаимодействия органов власти федерального и регионального уровня, а также органов местного самоуправления. Формально все документы по безопасности (включая и ФЗ №390) фиксируют участие субъектов Федерации в этом векторе государственной политики. Однако эта фиксация носит преимущественно формальный характер, поскольку нигде не обозначены конкретно рамки полномочий субъектов Федерации в решении данного круга вопросов, не определена специфика требований (критериев) безопасного развития для страны в целом и для каждого из регионов в отдельности.

Нет и ясного представления о том, какой системой институтов и инструментов и в пределах каких полномочий может пользоваться субъект Федерации для обеспечения условий своего безопасного устойчивого развития. Как мы полагаем, ответы на эти и иные актуальные вопросы должны дать обновленный вариант СПБ и новая редакция ФЗ №390 «О безопасности».

Институты развития в реализации стратегических приоритетов России

Институты развития являются одним из инструментов социально-экономической политики государства, ориентированных на стимулирование инвестиционных и инновационных процессов в экономике России и ее регионов, в частности, на развитие инфраструктурных систем. Основная цель институтов развития – обеспечение устойчивого, инновационно-ориентированного экономического роста страны в целом и каждого из ее регионов; диверсификация экономики, освоение новых «точек роста». Речь в данном случае идет о задачах, которые, чаще всего, не могут быть исчерпывающе решены рыночными механизмами хозяйствования и требуют государственного вмешательства, в том числе, через систему финансовых и нефинансовых институтов – посредников между государством и частными отечественными и зарубежными инвесторами. Институты развития выступают в качестве стимулятора частных инвестиций в определенных государством приоритетных секторах и отраслях экономики, в пределах экономических наиболее перспективных территорий. Институты развития также создают условия для формирования инфраструктурных объектов, обеспечивающих доступ предприятиям, функционирующим в приоритетных сферах экономики, к необходимым земельным ресурсам (площадкам), к производственным и иным помещениям, к необходимым финансовым и информационным ресурсам.

Несмотря на значительное число таких институтов и многообразие направлений их деятельности, само по себе понятие «института развития» не является «канонизированным». Это понятие не определено единообразно законодательным актом; правовые основы действующих институтов развития регулируются различными законами и даже отдельными подзаконными нормативно-правовыми актами.

Институты развития как инструмент социально-экономической политики государства обладают рядом особенностей и преимуществ, из которых следует выделить четыре наиболее значимых с точки зрения их потенциального вклада в достижение приоритетов национальной безопасности страны.

Во-первых, как инструмент стратегического управления и социально-экономического регулирования институты развития могут функционировать как правовая и экономическая креатура федерального или регионального уровня, ориентированная на решение специфических задач, характерных именно для данного уровня управления. Эта специфика в полной мере может быть спроецирована на роль институтов развития в обеспечении условий национальной безопасности.

Во-вторых, практически все институты развития, независимо от их функциональной направленности и организационно-правовой формы, действуют одновременно и как инструмент решения задач отраслевого (в том числе, инновационного) развития, и как инструмент пространственного развития [12]. Другими словами, они могут и должны формировать собой рычаг социально-экономического подъема территорий дислокации этих институтов. Это говорит о том, что институты развития федерального и, особенно, регионального уровня (региональные ОЭЗ, индустриальные зоны и парки и пр.) могут выступать инструментами достижения как общегосударственных приоритетов национальной безопасности, так и условий безопасного, устойчивого развития отдельных субъектов Федерации. Последнее можно считать не менее важной функцией, учитывая, что безопасность государства во многом складывается из безопасности каждого из ее регионов.

В-третьих, все институты развития предполагают тесное взаимодействие и чаще всего – софинансирование как со стороны Федерации, так и ее субъектов, а часто – и со стороны муниципального звена управления. При этом софинансирование с каждого уровня бюджетной системы может осуществляться как в прямой форме (инвестиции с производственные и инфраструктурные объекты; субсидии и гранты резидентам), так и в косвенной форме (налоговые и таможенные льготы резидентам).

В-четвертых, все эффективно действующие институты развития опираются на активное использование механизмов государственно-частного партнерства.

Однако до последнего времени деятельность институтов развития (во всяком случае, в отношении институтов развития федерального уровня) вызвала серьезную критику как со стороны официальных структур (например, Счетной палаты РФ), так и со стороны отдельных групп экспертов. Прежде всего, постоянно отмечалось то, что бюджетные вливания в институты развития не дают должного эффекта в смысле прироста объемов хозяйственной деятельности, инвестиций, рабочих мест, а также доходов во все уровни бюджетной системы страны. Констатируется факт, что роль институтов развития как генераторов «инновационного прорыва» в российской экономике носит единичный характер, тогда как основной объем их хозяйственной деятельности осуществляется в пределах традиционных технологий, не обладающих высокой степенью конкурентоспособности. Однако наиболее важно отсутствие в деятельности институтов развития позитивного пространственного экономического эффекта, т.е., импульсов к активизации инвестиционной и инновационной деятельности на прилегающих территориях.

Тем не менее, Правительство РФ отказалось от введенного ранее моратория на создание новых ОЭЗ; расширяется список ТОСЭР, в том числе, и в моногородах России. Так, например, 2020 г. стал рекордным по количе-

ству новых ОЭЗ: было создано 6 таких новых институтов. На данный момент в стране функционируют 36 ОЭЗ, которые привлекли 830 резидентов с заявленным объемом инвестиций более 1 трлн руб. Судя по всему, позитивные сдвиги в деятельности институтов развития если и происходят, то очень медленно [13].

В связи с этим, в ноябре 2020 г. Правительство РФ одновременно анонсировало одну из наиболее заметных реформ в отношении институтов развития как организационных структур, играющих роль «проводника» от стратегических приоритетов государства в социально-экономической сфере к их практической реализации на местах. До последнего времени в Российской Федерации действовало 40 институтов развития федерального уровня в виде различных фондов, банков и корпораций. Все они создавались для решения задач, связанных с поддержки инвестиций и инноваций, малого и среднего бизнеса, экспорта, регионального развития. В ходе реформы сформирован крупный институциональный блок на базе государственной корпорации «ВЭБ.РФ», под управление которой перейдут: Корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства; Российский экспортный центр; Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций; «Роснано»; Фонд «Сколково»; Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере; Фонд инфраструктурных и образовательных программ; Фонд развития промышленности.

Часть функций восьми ликвидируемых институтов развития перераспределены между «ВЭБ.РФ» и федеральными органами исполнительной власти. В частности, ликвидированы такие институты, как АО «Особые экономические зоны»; Фонд развития моногородов; Российский фонд развития информационных технологий; Росинфокоминвест; Агентство по технологическому развитию; Агентство по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке и в Арктике; Фонд развития Дальнего Востока и Арктики; Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта.

Главный ориентир данного этапа реформ – повышение социально-экономической результативности в деятельности институтов развития, что последовательно может привести к усилению их вклада в достижение приоритетов национальной безопасности. Для этого в отношении всех институтов развития будут определены финансово-экономические и отраслевые ключевые показатели эффективности, увязанные с национальными целями развития. Предполагается установить две категории таких показателей: финансовые, характеризующие устойчивость и прибыльность организации, и отраслевые. Таковые могут служить для оценки вклада институтов развития в достижение национальных целей и, соответственно, приоритетов национальной безопасности страны и ее регионов. Несомненно, что данные преобразования, обеспечивающие некоторую централизацию управления фе-

деральными институтами развития, позволит более четко определить и реализовать их функции, в том числе, и в рамках политики обеспечения национальной безопасности.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что усиление вклада институтов развития в решение ключевых вопросов обеспечения национальной безопасности зависит не только от количественных и качественных показателей деятельности этих институтов, но и от того, насколько четко они позиционируются в институционально-инструментальном аппарате политики безопасности. Однако, как уже отмечалось выше, институционально-инструментальный аппарат стратегического планирования в Российской Федерации не обладает четкой структуризацией и целеориентацией. По сути, одни и те же цели, в том числе, и обозначенные как «национальные цели развития», реализуются через систему государственных программ; федеральных и региональных проектов; федеральных и региональных институтов развития и пр. Разумеется, такая ситуация создает дополнительные трудности для позиционирования институтов развития в системе инструментов политики национальной безопасности.

Для решения этой задачи и ее адекватного отражения в обновленной версии СНБ и в новой редакции ФЗ №390 мы полагаем необходимым зафиксировать следующие выводы.

Во-первых, наиболее желательной была бы разработка и принятие единого Федерального закона «Об институтах развития Российской Федерации» с указанием на роль этих институтов как одного из инструментов политики национальной безопасности. Соответственно, указание на эту роль должно быть продублировано в новой редакции ФЗ №390 и в обновленной версии СНБ.

Во-вторых, с учетом пространственной специфики деятельности институтов развития, их роль как одного из инструментов политики национальной безопасности может быть реализована лишь на основе федерализации этой политики. Имеется в виду переход от формального упоминания к полному раскрытию в новой редакции ФЗ №390 и в обновленной версии СНБ конкретных форм и рамок участия субъектов Федерации в реализации этой политики.

В-третьих, в обновленной версии СНБ необходимо провести корреспонденцию между ее важнейшими положениями (вызовы, угрозы и пути их устранения) и теми институционально-инструментальными механизмами, которые должны обеспечить их реализацию на практике. Конкретная целевая «ниша» в этом смысле должна быть закреплена и за институтами развития. Как мы полагаем, наиболее значимой роль институтов развития может оказаться в обеспечении пространственных и инновационных условий безопасного социально-экономического развития Российской Федерации и ее регионов.

Эти положения можно проиллюстрировать на примере ряда позиций действующих документов по безопасности. В них указывается, что вызовы и угрозы России и ее экономике связаны с усилением не только межрегиональной, но и внутрирегиональной экономической дифференциации. При решении второй из названных проблем весомо может проявиться роль институтов развития, но при двух условиях: закрепление позитивного территориального эффекта в системе индикаторов оценки деятельности института развития, а также при задействовании механизмов активного пространственного распространения их воздействия на инвестиционную и хозяйственную деятельность всех сопредельных территорий.

Далее, роль институтов развития при обеспечении национальной безопасности может реализоваться путем активных «импульсов» инновационного развития территорий. Исследователи уже обращали внимание на то, что дифференциация экономики страны и ее регионов как пространства инновационного развития гораздо глубже, чем по формальным макро-индикаторам [14,15]. Институты развития должны выравнять эту опасную для национальной безопасности ситуацию, а не углублять ее, когда одни территории характеризуются мощным инновационным рынком, а другие остаются в пределах «дедовских» технологий и примитивных видов продукции.

Наконец, следует иметь в виду, что в обозримой перспективе большинство территорий страны для своего социально-экономического подъема не могут рассчитывать на приход крупного «системного» инвестора, создание ОЭЗ или ТОСЭР. Такой подъем, важный для обеспечения безопасности страны и ее регионов, возможен только за счет системы субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). В этой связи важно, чтобы не только специализированные институты поддержки МСП (фонды, корпорации и пр.), но и все институты отраслевого и пространственного развития в качестве одного из целевых индикаторов своей деятельности имели задание по формированию сети МСП, по развитию кооперационных связей с субъектами МСП, действующими как в пределах данных институтов развития, так и на сопредельной территории.

Как отметил проф. А.Е. Городецкий, безопасность по-прежнему остается в числе высших приоритетов для России как федеративного государства. Но они должны быть дополнены системой стратегических институтов, функционирование которых обеспечивает фундаментальные условия безопасности [16]. Очевидно, что важное место в этой системе должны занять и такие стратегические инструменты, как институты развития.

Библиографический список

- [1] «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. №683. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.
- [2] «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>.
- [3] Кузьменков А.М., Смуров А.М. Тенденции институциональных преобразований в экономическом обеспечении национальной безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2015. №1 (23). С.22-25.
- [4] Еркеев И.Х. Организационно-институциональная подсистема механизма обеспечения экономической безопасности России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. №6. С.137-141.
- [5] Крылова Е.В., Морозова О.Г. Институциональные факторы обеспечения экономической безопасности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т.2. №1. С.131-139.
- [6] Агаева Л.К., Лубяницкий В.В. Институциональная среда как фактор обеспечения экономической безопасности // Вестник Самарского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. №2 (124). С.90-95.
- [7] Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.
- [8] Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.
- [9] Прасолов В.И., Кашурников С.Н., Токарев В.В. Парадигмы формирования и развития институтов экономической безопасности в России. – М.: КноРус. 2017. – 174 с.
- [10] Иванов Е.А. О стратегии экономической безопасности // Развитие и безопасность. 2020. №1. С. 3-25.
- [11] Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. №207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/>.
- [12] Бухвальд Е.М., Виленский А.В. Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2017. №1. С.77-86.
- [13] Евстафьева А.Х. Развитие особых экономических зон в условиях обеспечения экономической безопасности России // Инновационное развитие экономики. 2020. №4-5 (58-59). С.225-231.
- [14] Лещенко Ю.Г. Инновационный вектор в системе экономической безопасности России // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т.9. С.301-316.
- [15] Бухвальд Е.М. Единое инновационное пространство как приоритет пространственного развития российской экономики // Вестник Института экономики РАН. 2019. №4. С.9-25.

- [16] Городецкий А.Е. Национальная и экономическая безопасность: императивы меняющейся стратегической культуры // Развитие и безопасность. 2019. №4. С. 3-25.

E.M. Bukhvald

INSTITUTES OF DEVELOPMENT AND THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract. The update of the National Security strategy of the Russian Federation, adopted in 2015, which is planned in accordance with the current legislation for 2021, should ensure actualisation and concretization of the provisions about the challenges and threats to the country's security. This, in particular, concerns in each case clarification of those risks which can actually exert negative impact on the country's socio-economic development. At the same time, it is necessary to radically change understanding of the institutional and instrumental apparatus for the ensuring of security requirements, preventing or grading the risks, which Russian Federation is already facing or may face in the foreseeable future. The article considers the system of those institutions of strategic planning and state regulation, which should constitute a mechanism for implementing the requirements of the Security strategy in the context of its socio-economic components. The emphasis is placed on the so-called "development institutions", designed to ensure the achievement of the country's social and economic development priorities, including in accordance with the conditions of its safe and sustainable development.

Keywords: national security, strategic planning, Strategy of national security, legislative provision.

References

- [1] "On the National Security Strategy of the Russian Federation". The Decree of the President of the Russian Federation dated December 31, 2015. No. 683. [Electronic resource]. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
- [2] "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030". The Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208. [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
- [3] Kuzmenkov, A.M., Smurov, A.M. (2015). [Trends of the institutional transformations in the economic provision of national security]. *Teoriya i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii* [Theory and practice of service: economy, social sphere, technology]. 2015. No. 1 (23). pp. 22-25. (In Russ).
- [4] Erkeev, I.K. (2015). [Organizational and institutional subsystem of the mechanism

- for the ensuring economic security of Russia]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation]. No. 6. pp. 137-141. (In Russ).
- [5] Krylova, E.V., Moronova, O.G. (2020). [Institutional factors for the ensuring of economic security]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N.Tatishcheva* [Bulletin of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev]. Vol. 2. No. 1. pp. 131-139. (In Russ).
- [6] Agaeva, L.K., Lubyanskiy, V.V. (2015). [Institutional environment as a factor of ensuring economic security]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University]. No. 2 (124). pp. 90-95. (In Russ).
- [7] Federal Law dated June 28, 2014. No. 172 "On the Strategic Planning in the Russian Federation". [Electronic resource]. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
- [8] Federal Law dated December 28, 2010. No. 390-FZ "On Security". [Electronic resource]. Available at: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.
- [9] Prasolov, V.I., Kashurnikov, S.N., Tokarev, V.V. (2017). [Paradigms of the formation and the development of economic security institutions in Russia]. *M.: "KnoRus"* [M.: "KnoRus"]. 174 pp. (In Russ).
- [10] Ivanov, E.A. (2020). [On economic security strategy]. *Razvitie i bezopasnost'* [Development and security]. No. 1. pp. 3-25. (In Russ).
- [11] The Order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019. No. 207-r "On the Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period until 2025". [Electronic resource]. Available at: URL: <http://government.ru/docs/35733/>
- [12] Buchwald, E.M., Vilnenskiy, A.V. (2017). [Development institutions in the strategic planning of the spatial structure of the Russian economy]. *Regional'naja jekonomika. Jug Rossii* [Regional economy. South of Russia]. No. 1. pp. 77-86. (In Russ).
- [13] Evstafieva, A.K. (2020). [The Development of special economic zones in the conditions of ensuring the economic security of Russia]. *Innovacionnoe razvitija jekonomiki* [Innovative development of the economy]. No. 4-5 (58-59). pp. 225-231. (In Russ).
- [14] Leshchenko, Yu.G. (2019). [Innovation vector in the economic security system of Russia]. *Voprosy innovacionnoj jekonomiki* [Issues of innovative economy]. Vol. 9. pp. 301-316. (In Russ).
- [15] Buchwald, E.M. (2019). [Single innovation space as a priority for the spatial development of the Russian Economy]. *Vestnik Instituta jekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. No. 4. pp. 9-25. (In Russ).
- [16] Gorodetsky, A.E. (2019). [National and economic security: imperatives of a changing strategic culture]. *Razvitie i bezopasnost'* [Development and security]. No. 4. pp. 3-25. (In Russ).